

Глава 15. Послевкусие (2)

Когда она открыла глаза, первое, что она увидела, был белый потолок.

Характерный запах лекарств ударил Серафине в нос.

Лазарет.

Она попыталась подняться, но всё тело было тяжёлым, как пропитанная водой вата.

— ...

Хотелось пить.

Она открыла рот, но не смогла издать ни звука.

Язык был жёстким, словно набитый песком.

Она повернула голову.

На стуле у окна сидела сестра Лавина.

Она смотрела в окно.

Её профиль был холодным и бесстрастным, как у статуи.

На шее всё ещё виднелся слабый синяк.

— ...Воды, по...жалуйста.

Наконец, ей удалось выдать из себя голос.

Надтреснутый, осипший.

Лавина повернула голову.

Её глаза были пусты.

Возможно, это из-за того, что свет падал ей в спину, но тёмные круги под глазами были слишком глубокими, чтобы так думать.

Она молча встала, взяла стакан с водой со столика у кровати и протянула ей.

Серафина дрожащими руками взяла стакан.

Когда холодная вода коснулась горла, ей показалось, что она наконец-то приходит в себя.

— ...

Как только она поставила стакан, Лавина схватила её за грудки.

Всё произошло в одно мгновение.

Кха.

Тело резко подалось вперёд.

Лицо Левины оказалось совсем близко.

— Какого чёрта ты там делала?

— Я не совсем понимаю, о чём вы говорите...

— Я спрашиваю, почему ты целый день обнимала мёртвого Лавина. Никого не позвала, даже не подумала снять его.

— Почему Лавин умер?

Хватка Левины ослабла.

Её фирменное бесстрастное выражение на мгновение дрогнуло, но она лишь слегка прикусила губу, зачем-то посмотрела в пустоту и вздохнула.

— ...

— Я знаю. Он умер. Не смотрите на меня так. Я не сошла с ума.

Сказав это, Серафина низко опустила голову и, всхлипывая, начала безумно смеяться.

— Вам не кажется это смешным?

— Что именно.

— Просто всё. Эта ситуация, мой вид. Ваш вид. Смешно, не правда ли?

Я сказала, что хочу, чтобы он умер, и он действительно умер.

Смех Серафины наполнил пустой лазарет.

Хотя это было похоже не столько на смех, сколько на плач.

Левина молча смотрела на неё сверху вниз.

На её лице по-прежнему не было никакого выражения.

— Вам не смешно? Ваш брат умер.

— ...

— Ну да, он ведь был просто позором семьи, бельмом на глазу.

Вам, наверное, не смешно, а скорее, радостно. Не так ли, будущая глава семьи Эдельгард?

Серафина перестала смеяться и посмотрела на Левину.

Лицо было испачкано слезами, но взгляд горел.

— Почему вы не отвечаете?

Не притворяйтесь, что всё в порядке, когда у самой душа сгнила дочерна.

Брови Левины едва заметно дрогнули.

Это было единственное изменение.

— Ещё одно слово, и я сочту это за оскорбление.

— Ах, вот как?

На губах Серафины появилась усмешка.

— Вы так реагируете на одно неуважительное слово, так почему вы так поступали с Лавином?

— Потому что тот ребёнок это заслужил.

— Ах, заслужил? Ну да, Лавин был таким человеком, который заслуживал.

— ...

— И всё же так было нельзя.

— Теперь ты так говоришь? Ты, которая сама хотела разорвать помолвку?

— Это вы его таким сделали.

Услышав обращение «вы», Левина вздрогнула.

— Не называй меня так.

Сказала она слегка дрожащим голосом.

— Или что, мне следует называть вас, как и только что, будущей главой семьи Эдельгард?

Левина не ответила.

Она лишь, слегка нахмурившись, сверлила взглядом бывшую невесту Лавина.

— Знаете, почему Лавин умер?

— Ложись и остынь. Я понимаю, что ты в смятении из-за смерти Лавина, но сейчас ты не в себе...

— Да кто здесь в большем себе, чем я?!

Серафина хотела было закричать, но снова перевела дух.

И продолжила спокойным, но холодным голосом:

— Это из-за вас.

Её голос был тихим.

Но воздух в лазарете, казалось, стал ещё холоднее.

— Вы ведь прекрасно знаете, почему он стал таким.

Левина по-прежнему молчала.

Она лишь смотрела на Серафину сверху вниз.

— В детстве он так к вам тянулся.

Он восхищался вами больше всех и даже спрашивал у меня, какой подарок сделать, чтобы хоть как-то завоевать ваше расположение.

Серафина поднялась с кровати.

Тело всё ещё было тяжёлым, но это не имело значения.

Она хотела смотреть Левине прямо в глаза.

— Но как вы поступали?

Вы всегда смотрели на него, как на насекомое.

Позор семьи, грязный бастард.

Словно само его существование было отвратительно.

— Что ты знаешь. Я всё же обращалась с ним как с братом.

Голос Левины был низким и сухим.

Но она теребила стакан с водой на столике и избегала взгляда.

Она не могла смотреть в голубые глаза Серафины.

— Вы ведь не можете не знать, как с ним обращались в особняке до поступления в академию.

Перечислить вам всё по пунктам?

Я с детства была рядом и слышала не одну и не две истории.

И при мне вы часто игнорировали Лавина.

— ...Это было ради него самого.

С какого-то момента он начал забываться и лезть не в своё дело.

Он должен был знать своё место.

Левина, немного подумав, продолжила:

— Ты ведь знаешь, что бастард не должен был жить в одном особняке и получать то же образование, что и я.

Всё, что он получил, — это результат моей терпимости.

Я считала, что в нас течёт хотя бы половина одной крови.

Серафина на мгновение потеряла дар речи.

Логика Левины, по крайней мере для неё самой, была настолько ясной и твёрдой, что в ней не было ни одной щели.

Но для Серафины Лавин был Лавином.

Любимым человеком, независимо от того, чья кровь в нём текла.

По крайней мере, среди причин её ненависти к нему не было такой, как «бастард».

— Это не обращение, это содержание, как животного.

Вам не следовало жить вместе.

Левина подняла голову и посмотрела на Серафину.

Под глазами были глубокие тёмные круги.

Губы пересохли и потрескались, а щёки были странно красными, словно у неё была простуда.

— Ты переходишь черту.

— Черту перешли ваши действия.

— Я понимаю, что ты расстроена из-за смерти бывшего жениха, но неужели ты совсем потеряла способность соображать?

— Лавин восхищался вами.

Он хотел быть похожим на вас.

Ведь вы казались ему идеальным человеком — самым крутым, хладнокровным, умным, у которого всё получается.

Он вас... больше, чем меня.

— Какой теперь смысл в этих словах.

— А я, в отличие от вас, довольно глупа.

Наверное, я похожа на Лавина. Или мы так долго были вместе, что он стал похож на меня.

Я не могу, как вы, делать вид, что нет никаких проблем, что мёртвый — это просто мёртвый.

— Ты говоришь так, будто проблема во мне.

— Что ж, если учесть, что из семьи его выгнали фактически вы...

По крайней мере, я пыталась снова наладить отношения с Лавином. Неужели вы не слышали слухов о том, что я каждое утро хожу в его комнату?

— Попытка? Это ты называешь попыткой?

Каждое утро приходиться и убираться?

Почему бы тебе не нанять кого-нибудь и не отправить вместо себя?

Что, стало жалко, когда разорвала помолвку?

Голос Левины был холодным, как лёд.

Но в нём слышалась слабая дрожь.

— Да, я выгнала Лавина. И что?

Что он мог сделать, оставшись?

Думаешь, он мог бы стать главой семьи?

А даже если бы и стал, думаешь, старейшины оставили бы его в покое?

— Вы говорите так, будто сделали это ради Лавина.

— Потому что я действительно сделала это ради Лавина.

Если бы этот ребёнок остался в семье, да ещё и был бы не негодяем, а порядочным и способным человеком, его бы уже давно отравили, и дело с концом.

— А яд подсыпали бы вы.

— ...Сегодня ты совсем не следишь за словами.

— А разве я когда-нибудь следила, когда говорила с вами?

Серафина слабо улыбнулась.

Это была самоуничижительная улыбка.

Ведь с того дня, как она обнимала Лавина, единственной мыслью, которая приходила ей в голову каждый день, было желание вырвать себе язык.

— Вы говорили, что это ради Лавина, но всё это ложь.

Иметь такую сестру, такую семью... хмф.

Серафина не смогла продолжить и прикусила губу.

Левина отвернулась к окну.

Словно больше не хотела видеть лицо Серафины.

Между ними повисло молчание.

Из-за окна лазарета доносились голоса проходящих студентов.

Мир был спокоен, как будто ничего не произошло.

На самом деле, смерть Лавина и была ничем.

Смерть одного негодяя, изгнанного из семьи и брошенного невестой, — это лишь хороший повод для сплетен, а не что-то значительное.

— Почему ты хотела разорвать помолвку?

Первой заговорила Левина.

Это была попытка сменить тему.

Она хотела, чтобы стрелки были направлены не на неё.

— Если ты так о нём заботилась, должна была оставаться с ним до конца, не так ли?

Даже если, по твоим словам, я подтолкнула тебя к разрыву.

— ...

На этот раз не ответила Серафина.

Она опустила взгляд на свои пальцы.

Тонкие, белые пальцы.

Пальцы, которые когда-то держали руку Лавина.

— И правда, почему я хотела?

Серафина, тупо глядя в пустоту, продолжила:

— Сколько раз я сама надеялась и сама разочаровывалась.

Я верила, что он изменится, но отворачивалась из-за малейшего недопонимания.

Я ни разу по-настоящему не поверила его словам.

Серафина, словно от тревоги, начала грызть ногти.

Ногти и так были коротко острижены, так что она содрала кожу, и выступила кровь.

— Когда он начал отдаляться, я лишь упрекала его, но ни разу не помогла.

Она тупо смотрела на капельку крови на пальце.

— Может, поэтому мне хочется найти виноватого.

Я не хочу слышать, что это моя вина. Даже если это так.

Поэтому я ненавижу вас.

— От этого он не вернётся.

— Я знаю.

Спокойно ответила Серафина.

— Поэтому я ещё больше вас презираю.

Хотя бы вы должны были верить в него до конца.

Вы же говорили, что обращались с ним как с братом? Вы же семья.

— Семья...

Левина повторила это слово.

Словно слышала его впервые.

На её губах промелькнула слабая, холодная усмешка.

— Каким ребёнком был Лавин, которого ты знала?

Станный вопрос.

Серафина не могла понять, почему он вдруг возник.

Но она тут же ответила, вспоминая Лавина:

— Он был добрым ребёнком. По крайней мере, когда мы впервые встретились.

Он не умел причинять боль другим и всегда улыбался.

И не умел ненавидеть.

Серафина говорила, глядя в пустоту, словно вспоминая прошлое.

— По крайней мере, Лавин, которого я знала, был таким.

До того, как вы его таким сделали.

— Да. Он был таким ребёнком.

И Левина тоже, словно вспоминая прошлое, сказала, глядя в пустоту:

— Каждый раз, встречаясь с тобой, он переставал быть послушным, добрым и милым младшим братом и становился Лавином.

Серафина не поняла, о чём говорит Левина, и не стала продолжать.

Обвиняя Левину, она не почувствовала облегчения, поэтому перестала её презирать.

По крайней мере, сейчас. Сейчас она была слишком уставшей.

— Что теперь будет?

Спросила Серафина.

— Его больше нет, так что теперь вас никто не будет мучить.

Вы чувствуете облегчение?

Левина медленно повернула голову и посмотрела на Серафину.

— Похороны состоятся завтра утром.

Семейные, скромные.

Серафина кивнула.

<http://erolate.org/book/1526/189200>